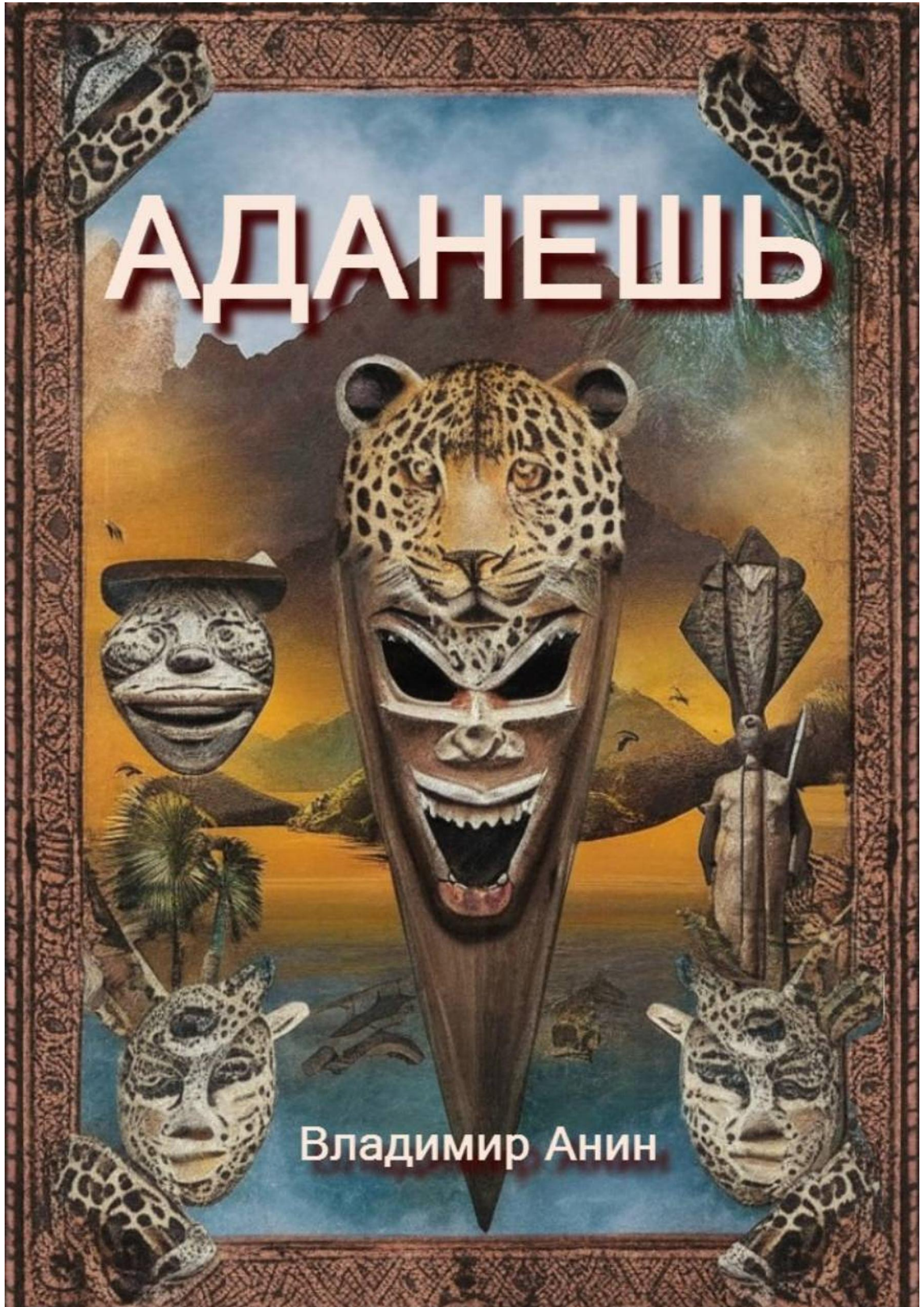

АДАНЕШЬ

Владимир Анин

Владимир Анин

Аданешь

«Автор»

2007

Анин В.

Аданешь / В. Анин — «Автор», 2007

ISBN 978-5-532-99659-5

События, описанные в книге, разворачиваются в начале 70-х годов прошлого столетия. Он – сотрудник госбезопасности. Молодой, перспективный и довольно беспечный. Спокойная, уравновешенная жизнь, без хлопот, без нервотрепки. До тех пор, пока ему не поручили отправиться в далекую африканскую страну на поиски пропавшей дочери генерального консула СССР... Повесть "Аданешь" впервые была напечатана в журнале "Искатель" в 2007 году. А через год вышла в журнале "Сокол" (издательство "Красная звезда") под названием "Высоко над уровнем моря".

ISBN 978-5-532-99659-5

© Анин В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аданешь

Глава 1

Стояло жаркое лето 1972 года. Старожилы помнят, что оно прославилось обширными лесными пожарами в Подмосковье. Сама Москва превратилась в гигантский раскаленный котел, невозможно было находиться ни на улице, ни в доме. Горожане, как один, стремились сбежать из задыхавшейся столицы, но на каждой трассе путь им преграждали кордоны милиции, стерегущие зеленую зону от случайных поджигателей. Тем не менее, хитроумные москвичи все же умудрились постепенно просочиться через них, и улицы города заметно опустели.

В огромном кабинете было душно. Гулко тикали старинные напольные часы. Я уже успел привыкнуть к давящей тишине и полумраку этих кабинетов, к томительному ожиданию, сулившему, как правило, какое-нибудь скучное и малоприятное задание. Нередко нас, молодых сотрудников специального отдела, о названии и назначении которого я позволю себе умолчать, вызывали на инструктаж, смысл которого сводился к тому, что в кратчайшие сроки требовалось вычислить и обнаружить очередного подозрительного субъекта, вызвавшего интерес у Органов. Как правило, нас бывало человека три – тех, кого инструктировали одновременно. Редко – четыре-пять. Затем начинался процесс активного поиска, в результате которого обнаруженный субъект, в зависимости от степени предполагаемой опасности, либо доставлялся для беседы, либо за ним устанавливалось наблюдение, по итогам которого уже принималось решение о его дальнейшей судьбе.

Однако в этот раз меня вызвали одного. Сдержанно вдыхая пропитанный пылью и временем воздух кабинета, я стоял по стойке «смирно» напротив внушительного письменного стола, за которым, листая худенькое дело, сидел полковник Зотов. Он озабоченно покачивал головой, цокал языком, вздыхал и время от времени почесывал макушку. Его подернутая седой шевелюрой голова ходила туда-сюда по голове, когда он морщил лоб, длинные пальцы беспокойно барабанили по столу.

Наконец он поднял на меня свой взгляд, который в этот день против обыкновения не буравил насквозь, а был даже какой-то потухший, и шумно вздохнул.

– Вот что, Суворов, проблема у нас. Серьезная.

Я молчал. Зотов терпеть не мог, когда его перебивали или задавали вопросы прежде, чем он разрешит это сделать. По его мнению, нетерпеливость и поспешность – самые серьезные недостатки сотрудников.

– В Аддис-Абебе, – продолжал полковник, – в Эфиопии, пропала дочь консула, товарища Романова. Информации на сегодняшний день – ноль. Известно только, что вчера с утра она была дома, а к вечеру исчезла. Никаких следов, никаких версий.

Он посмотрел мне в глаза.

– Чего молчишь?

– Слушаю, товарищ полковник.

– Слушает он, – Зотов снова вздохнул. – В общем так, Суворов, вот тебе дело. – Он подвинул вперед тоненькую папочку. – Ознакомься. Прямо здесь.

Я подошел к столу и осторожно раскрыл папку скоросшивателя.

– Да ты сядь, – сказал полковник, а сам встал и подошел к окну.

Я принялся внимательно вчитываться в каждую страницу, стараясь «сфотографировать» документы до мельчайших подробностей. Зотов взял со стола пачку «Казбека» и молча протянул мне. Я вежливо отказался. Тогда он достал папиросу и стал расхаживать по кабинету, тщательно формируя мундштук, время от времени вставляя его в рот, словно проверяя, нуж-

ную ли форму он ему придал. Наконец он чиркнул спичкой и неторопливо закурил, пуская вверх тонкие струйки дыма.

На первой странице дела была краткая справка о дочери консула: Романова Наталия Анатольевна, дата рождения – двадцатое октября одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

«Тринадцати еще нет, – подумал я. – Совсем ребенок!»

На второй странице была фотография Наташи. Обыкновенная девочка: большие умные глаза, темные волосы заплетены в косу, одета в школьную форму с обязательным пионерским галстуком, повязанным на шее. «Записав» образ девочки в память, я перевернул страницу. Далее следовали кое-какие биографические детали, информация об основном месте жительства, родственниках, знакомых – в общем, все то, что могло хоть в какой-то степени помочь поискам, дать пусть тонюсенькую, но все же ниточку, ухватившись за которую, опытная ищейка может взять след и найти пропавшего человека. А я и был не кем иным, как ищейкой, притом одной из лучших. Это не значит, что другие были хуже. Просто мне чаще везло. Именно поэтому Зотов выбрал меня.

На последней странице дела была информация о самом консуле, Анатолии Федоровиче Романове, и его жене – Галине Павловне. Несмотря на довольно скромное досье, я тем не менее в душе поаплодировал ребятам из информационного отдела, которые в такие сжатые сроки сумели подготовить полноценные материалы. Полковник Зотов уже докуривал третью папиросу, когда я наконец захлопнул папку и, встав, доложил о готовности приступить к заданию.

– Ты, капитан, надеюсь, понял, что это поручение особой важности и секретности, – сказал Зотов. – С этой минуты ты – журналист. Над легендой голову ломать не будем, не тот случай. Она будет совсем незатейливая – работник Гостелерадио. Прихватишь с собой для виду кое-какое оборудование: фотоаппарат, кинокамеру. Времени на раскачку нет, поэтому вылетаешь сегодня же. Документы, билеты и все необходимое тебе доставят прямо в аэропорт. Ты должен быть в Шереметьево ровно в девятнадцать ноль-ноль. Последний инструктаж в дежурке у пограничников. Инструктировать будет подполковник Залезайло. Сейчас топай в медкабинет, тебе там сделают какие-то прививки. Это обязательно. А потом домой, собираться. Все ясно?

– Так точно!

– Удачи тебе, Саша.

– Спасибо, товарищ полковник.

Леонид Петрович, штатный врач нашего ведомства, пожилой сухощавый дядька невысокого роста в круглых очках, встретил меня недовольным взглядом.

– Где ж это видано, чтобы прививки делали в день отъезда! – сокрушенно воскликнул он. – О чем только ваше начальство думает?

Я молча пожал плечами.

– Вот-вот! А потом, если что не так, я же и буду отвечать. Так-с, что там у нас? – пробурчал он, листая мою медицинскую карту. – Ну, уже легче. Тебе перед поездкой в Среднюю Азию прививку от оспы делали? Делали, – сказал он, не дожидаясь ответа. – И от полиомиелита делали. Так... Настя!

Из соседнего кабинета, где располагалась массажная и процедурная, вышла полногрудая блондинка с налитыми бедрами, одетая в короткий белый халат. Это была наша медсестра. Она даже не посмотрела в мою сторону.

– Сделай этому герою «желтую лихорадку», он у нас в Африку собрался.

В пропахшей бинтами и йодом процедурной, когда я разделся по пояс, Настя приблизилась ко мне со шприцем в руке и шепнула на ухо:

– Ну, и когда ты мне позвонишь? Обещал ведь. Уже два месяца прошло.

Я действительно обещал ей позвонить, после того как случайно провел с ней ночь. Но с тех пор выкроить для нее время в моем плотном графике никак не удавалось. Да, если честно, не очень и хотелось. Она, конечно, девушка видная, но уж больно прилипчивая и с заскоками.

– Приеду – позвоню, – соврал я.

– Ну-ну, посмотрим, – сказала Настя и всадила мне больноуший укол.

Я поспешил одеться и поскорее убраться отсюда.

– Суворов, – остановил меня в дверях Леонид Петрович, – ты должен знать. Я твоему начальству уже говорил и повторю тебе: прививку надо делать за месяц, а так это совершенно бессмысленно.

– Понял, доктор, – ответил я. – Постараюсь быть осторожнее.

Было уже около полудня. Я забежал к себе в кабинет, который делил с пятью такими же оперативниками, собрал кое-какие вещи и, попрощавшись, отправился домой. Никому из коллег даже в голову не пришло поинтересоваться, куда я уезжаю – в нашем ведомстве это не принято. Каждому сотруднику полагалось знать только о тех делах, к которым он имел непосредственное отношение, и только в той степени, в которой это было необходимо.

Поскольку служебная машина мне не полагалась по рангу, домой я отправился на общественном транспорте. До станции «Площадь Ногина» было всего пять минут ходьбы, но при такой погоде даже это расстояние преодолевалось с трудом. Солнце жарило немилосердно, асфальт потерял привычную твердость, и казалось, что шагаешь не по тротуару, а по ватному одеялу. По дороге я дважды останавливался у автоматов с газированной водой и залпом выпивал по два стакана.

В метро было немногочленно. С привычным гулом подкатил пустой поезд. Я, не раздумывая, плюхнулся на потертое, с выпирающими пружинами, сиденье в самом углу вагона и, закрыв глаза, мгновенно заснул. Я вполне мог позволить себе такую вольность, потому что ехать мне нужно было до «Калужской», которая в те годы была конечной, а длинная фраза «поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны» всегда замечательно выполняла функцию будильника. Работа оперативника часто сопряжена с физическими и моральными перегрузками, порой приходится недосыпать, а потому я был рад любой возможности покомарить лишние полчаса. Это невольно вызывало ассоциацию со службой в армии. Оттрубив два года в погранвойсках, я научился отключаться в любых условиях и в любых положениях: прямо на земле, под проливным дождем, забившись в густой ельник, когда мы лежали в заслоне и подходил наконец черед напарника караулить сектор; на деревянной скамье прыгающего по ухабам грузовика, когда нас везли из дальнего дозора на заставу; на табурете в дежурке, прислонившись к батарее парового отопления; даже стоя на тумбочке, когда ходил в дневальных. Везде, где только появлялась возможность дать своему организму отдых, стоит лишь сомкнуть глаза – и тут же проваливаешься в сон, глубокий, но в то же время очень чуткий.

Кстати, именно служба в погранвойсках во многом предопределила мою дальнейшую судьбу. Как-то раз к нам на заставу приехал странный, смахивающий на крота, тип в штатском. Обосновавшись в кабинете замполита, он стал по одному вызывать к себе тех, кому вскоре предстояло увольнение в запас. Поскольку я тоже попадал в эту категорию, то не избежал длительной и навязчивой беседы, носившей явно пропагандистский характер. Много из того, что он говорил, было непонятно и даже вызывало раздражение. Зато именно от него я узнал о возможности сразу после армии поступить на службу в Органы. Я к тому времени так и не определился с карьерой и потому решил попробовать.

Возвратившись домой из армии, я уже через неделю с небольшим отправился по адресу, который оставил «крот». После прохождения некоторых довольно утомительных процедур, занявших, к слову, почти два месяца и включавших в себя, помимо прочего, тщательную проверку моих умственных и физических способностей, меня отправили на учебу, по окончании которой я получил погоны прапорщика и новенькую форму. Однако примерил я ее лишь

однажды, в раздевалке, поскольку службу мне предстояло нести в штатском, охраняя некий важный объект.

И понеслась новая служба. Сутки на объекте, ценность и назначение которого оставались для меня загадкой, потом трое суток сплошного бездельничанья. Спал по полдня, затем бесцельно шатался по городу, заходил в магазины, сидел в кафе или кинотеатре, знакомился с девушками, иногда навещался к друзьям. Но все они либо учились, либо работали, и им было не до меня. В конце концов такая жизнь мне осточертела, и я попросился на серьезную учебу.

Через четыре года, уже став офицером, я был определен в отдел, где служил и теперь. Мы гордо именовали себя сыщиками, но коллеги из других подразделений называли нас не иначе как ищейками. Дела у меня пошли в гору. Не прослужив и трех лет, я, отличившись в одном особо важном и рискованном деле, был досрочно произведен в капитаны. Удачная карьера, хорошая зарплата, собственная, хоть и малогабаритная, квартира, множество всяких льгот – жизнь, казалось, удалась.

На этот раз я проснулся не от записанного на пленку голоса диктора, предлагающего покинуть вагон, а оттого что кто-то грубо потряс меня за плечо. Я с трудом разлепил склеенные безмятежным сном веки и увидел ехидно-пухлую физиономию склонившегося надо мной милиционера.

– Та-а-ак! – протянул он. – Среди бела дня и уже в таком виде. Почему не на работе? Почему пьянствуем?

Я поморщился и попытался встать. Милиционер отступил на шаг, продолжая внимательно следить за мной. После сна меня слегка покачивало. Убедившись в нетвердости моей походки, страж порядка схватил меня своей стальной клешней за локоть и поволок в комнату милиции.

Милиционер с силой втокнул меня в тесную прокуренную каморку, где за обшарпанным, покрытым треснувшим оргстеклом столом сидел толстый дежурный и пытался разгадывать кроссворд.

– Вот, товарищ старший лейтенант, алкаша в вагоне выловил.

Лейтенант был уже в возрасте, по всему видно – много лет отслужил простым постовым, прежде чем получил офицерское звание и возможность безмятежно протирать штаны в дежурке. На этом его продвижение по служебной лестнице практически завершилось, и в свои сорок с небольшим он приобрел лишь три маленькие звездочки, сверкающую лысину и огромный живот – признак сидячей работы.

Дежурный укоризненно посмотрел на меня поверх очков, одна из дужек которых была замотана лейкопластырем, и приказал:

– Ну-ка, дыхни!

Мне, право, стало смешно, и я улыбнулся.

– Ты что щеришься! – осадил меня сержант, ткнув в бок кулаком, размером с небольшой мяч.

Я послушно выдохнул.

– Голотяпко, так он же трезвый! – недовольно буркнул дежурный. – Чего ты его сюда притащил?

Ему ужасно не хотелось отвлекаться от своего кроссворда. К тому же любой привод требовал заполнения журнала, составления протокола и тому подобных скучных формальностей.

– Подозрительно вел себя, товарищ старший лейтенант, – не сдавался сержант.

Дежурный вновь посмотрел на меня и, нахмурив брови, произнес:

– Документы?

Я опять улыбнулся и полез в карман рубашки. Лицо лейтенанта сперва побелело, потом резко побагровело, приняв оттенок моего удостоверения, лишь только он взглянул на корочку.

Лоб его мгновенно покрылся мелкими бусинами пота, а глаза часто-часто заморгали. Видимо, он с большим почтением относился к нашему ведомству.

Раскрыв удостоверение, он вскочил, вытянулся так, будто хотел своей лысиной достать до потолка, и залепетал:

– Виноват, товарищ капитан, ошибочка вышла.

При этом он несколько раз скосил глаза в сторону сержанта, страшно выпучивая их, словно пытался сказать ему что-нибудь вроде «пошел вон, болван!». Сержант с минуту стоял, ничего не понимая, но когда до него дошло, что он здорово опростоволосился, его как ветром сдуло из дежурки. Лейтенант тем временем стал судорожно рыться в кармане, вытащил пузырек и сунул в рот какую-то пилюлю.

– Да ладно, что вы, не надо так волноваться, – испугался я. Мне даже стало неловко от того, что я чуть не довел этого старого служаку до обморока. – Все в порядке.

– Правда?

– Правда. Но документы он мог бы проверить у меня сразу. И потом – манеры... Надо бы как-то повежливее с гражданами.

– Так точно! – пробормотал дежурный. – А вы, товарищ капитан, не того? Ну, не будете докладывать и все такое?

Я рассмеялся.

– Нет, не буду.

– Фу! – выдохнул лейтенант. – Вы уж простите этого охламона. Черт его знает, что ему в голову взбрело. Молодой еще.

– Ничего, забудьте. Ну, так я пошел?

– Конечно, конечно.

Я повернулся и собрался было покинуть это пропахшее табаком и сапогами помещение, но дежурный окликнул меня:

– Товарищ капитан, а вы случайно не знаете африканскую страну из семи букв?

– Эфиопия, – не раздумывая ответил я.

– Подходит, – удивленно сказал лейтенант.

Снаружи, возле двери, стоял Голоотяпко. Вид у него был несколько озадаченный. Он посмотрел на меня, переминаясь с ноги на ногу, и тихо произнес:

– Виноват, товарищ капитан...

– Не беда, Головотяпко...

– Голоотяпко, – поправил сержант, насупившись.

– Да какая разница! Я тебя извиняю, – сказал я, но не удержался от того, чтобы не прочитать этому увальню маленькую лекцию. – Но впредь, будь добр, с гражданами веди себя любезнее. Что могут подумать честные труженики о нашей доблестной милиции, когда она так грубо хватает их за локти?

– Есть, быть любезнее, – буркнул сержант, приложив руку к козырьку сбившейся набок фуражки, а я, довольный, направился к выходу.

Квартира моя располагалась в одной из тех «хрущевских» пятиэтажек, коих вдоволь было на улице Обручева. Мне не хотелось париться в душном автобусе, и я решил пройтись пешком – всего-то три остановки. По дороге я зашел в кулинарию и купил домашних котлет. Конечно, домашними они только назывались, а, по сути, были очень далеки от тех ароматных, пахнувших детством котлет, которые делала моя мама. Но поскольку я в ту пору жил уже отдельно от родителей, в своей маленькой однокомнатной квартирке, то готовить мне приходилось самому, а способностями в этой области я не отличался. И потому довольствовался полуфабрикатами, хотя чаще всего питался все же в столовой. В этот день у меня в очередной раз возникло желание самому что-нибудь приготовить. Такое случалось нечасто, но, как это не покажется странным, мне иногда даже нравилось повозиться у плиты.

Я поднялся на второй этаж, отпер дверь и вошел в свое холостяцкое обиталище, где в беспорядке были разбросаны по комнате вещи, а все убранство составляли маленькая тахта, выдавший виды письменный стол да примостившийся на комод старенький телевизор «Рекорд». Я жил один и вполне обходился тем, что у меня было. В моем возрасте иметь отдельную квартиру почиталось за великое счастье. Зарабатывал я неплохо, к тому времени у меня на книжке уже накопилась кругленькая сумма. При этом нельзя сказать, что я себя в чем-то ограничивал. Часто встречался с друзьями – по выходным мы любили устраивать пикники за городом, раз в месяц хаживал в ресторан, одевался вполне прилично. В отношениях с противоположным полом у меня тоже все было в порядке. Я, конечно, не опускался до безумных оргий, этого не позволяли мне ни воспитание, ни положение. Но, признаться, бывало несколько раз, просыпался поутру в обнимку сразу с двумя девушками. Но не более того.

Первым делом я позвонил Веронике, одной своей знакомой, и пригласил ее в гости. Она работала учительницей младших классов в школе и, поскольку на дворе стояло лето, наслаждалась длительным педагогическим отпуском. Я почему-то был уверен, что она свободна и ни в коем случае не откажется навестить меня. Потом я заказал такси (неужели добираться до аэропорта на автобусе?) и стал собирать чемодан. На это у меня ушло ровно полчаса. Трудно было загадывать, сколько продлится моя командировка, но больше того, что я успел упаковать, у меня все равно не было: пять пар белья, столько же носков, костюм, на всякий случай, и галстук, черные туфли, белая парадная рубашка и три повседневные, с коротким рукавом. Одну рубашку я, подумав, отложил, чтобы надеть в дорогу. Из брюк выбрал югославские джинсы. На ноги сначала думал надеть кеды, но потом бросил их в чемодан, а в дорогу приготовил летние замшевые туфли с дырочками.

Затем я отправился на кухню и стал накрывать на стол. Этому процессу я всегда уделял особое внимание. Мне нравилось, чтобы все было сделано в строгом соответствии с правилами этикета.

Не успел я завершить сервировку, как в дверь позвонили. На пороге стояла Вероника. Невысокого роста, худая, черноволосая, с немного вздернутым носиком и большими карими глазами, она радостно взвизгнула и бросилась мне на шею.

– Слушай, я у тебя целую вечность не была!

– Да, – согласился я, – дней десять уже прошло.

– Правда? А мне казалось, чуть ли не месяц... Такая жара на улице! Можно я душик приму?

– О чем речь! – ответил я. – Ванная в твоем распоряжении. А я пойду пожарю котлеты. Ты ведь, наверное, проголодалась?

– Уж-жасно!

Через десять минут Вероника заявила на кухню, одетая в мой старенький халат и, довольная, уселась на табуретку. От нее пахло мылом и свежестью. Этот запах дразнил и возбуждал. Вероника без умолку стрекотала, пытаясь сообщить мне все новости, и даже не заботилась о том, интересно ли мне это. По ее, женской, логике я, безусловно, должен был от этой информации приходить в восторг. Поэтому мне время от времени приходилось ахать, восклицать «да ты что!» или «не может быть!» и при этом обязательно цокать языком и покачивать головой. Правда, делал я это по большей части машинально, поскольку слушал ее не очень внимательно. Сказать, что предстоящая поездка была для меня рядовой – было бы покривить душой. Африка! Я и мечтать не мог, что когда-нибудь попаду туда. О задании я почти не думал, потому что без дополнительной информации это было бы пустой тратой времени. Поэтому я думал просто об Африке. Мысли мои все чаще уносили меня в далекую Эфиопию, которая представлялась мне огромной банановой плантацией, где под каждым деревом сидит негр и продает жвачку, то есть жевательную резинку. Кстати, об этой самой жвачке. Для тех, кому покажется странным, что я думал о ней, поясню – в те далекие годы этой забавы для рта в нашей

стране не существовало вовсе. Ее просто не производили, считая тлетворным и развращающим продуктом гнивающего капитализма. Поэтому у каждого советского человека жвачка ассоциировалась исключительно с заграницей, поскольку попадала к нам только оттуда.

Размышляя об Африке, я так увлекся, что чуть было не прокололся, когда на неожиданной вопрос Вероники, соскучился ли я по ней, машинально воскликнул:

– Да ты что! – И сразу спохватился, заметив ее озадаченный, переходящий в гневное недоумение, взгляд: – Как ты только могла сомневаться в этом?! Конечно!

Котлеты уже подходили. Я разлил вино по бокалам. Мы выпили, закусили ломтиками голландского сыра. Потом заели котлетами, оказавшимися вполне сносными, и, как это ни покажется странным, переместились в комнату на тахту, где и провели последующие несколько часов, придаваясь тому, что иные скромно называют любовными утехами.

Настойчивый звонок в дверь заставил меня вернуться в реальность. Я с трудом оторвал свои губы от Вероникиных и взглянул на часы – ровно пять тридцать. Вероника нахмурилась. В ее глазах читался вполне резонный вопрос: и кого это там черт принес? Мне ужасно не хотелось покидать ее страстные объятия, но долг – прежде всего.

– Дорогая, – сказал я, – боюсь, что мне пора.

– Куда? – недоуменно спросила Вероника.

В дверь опять позвонили. Я встал и, накинув халат, пошел открывать.

– Такси вызывали? – спросил прокуренным голосом пожилой мужчина в кожаной кепке со значком таксиста на околыше.

– Да. Спасибо. Через десять минут буду, – ответил я.

– Поторопитесь. У меня еще заказ, – буркнул таксист.

Я вернулся в комнату. Вероника сидела на тахте, поджав под себя ноги и обиженно надув губы. Молодое тело было безупречно, солнечные лучики, с трудом пробивавшиеся сквозь густую крону растущей за моим окном березы, беспечно бегали по ее груди веселыми зайчиками, будто бы нарочно указывая на самые привлекательные места.

Я невольно засмотрелся на нее, но, спохватившись, состроил извиняющуюся физиономию и сказал:

– Вероника, мне очень жаль, но меня внизу ждет в такси. Я должен ехать.

– Ну, хорошо, поезжай. Я подожду тебя.

– Это исключено. Меня не будет несколько дней. Так что, будь добра, быстренько одевайся и – домой.

– Ты меня выгоняешь?

– Нет. То есть да. Я позвоню тебе, как только вернусь.

Вероника вскочила и стала яростно натягивать на себя одежду.

– Суворов, ты все-таки сволочь. Так обмануть мои надежды! Я уже собиралась к тебе переехать, а ты...

«Так! – подумал я. – Похоже, я где-то дал маху. Как же это я позволил ей додуматься до такого? Переехать ко мне... Это в мои планы не входит».

– Дорогая, – сказал я, стараясь быть как можно деликатнее, – боюсь, что вопрос о твоём переезде ко мне еще не назрел. Это, конечно, возможно, но не сейчас. И не в ближайшем будущем.

Вероника даже зарычала от досады. Сарафан застрял у нее на голове. Она с такой силой дернула его вниз, что он жалобно затрещал, рискуя разойтись по швам. Втиснув ноги в босоножки, взлохмаченная и разъяренная, она стремительно направилась к выходу. Я было бросился за ней, но сообразил, что сейчас не время разыгрывать трагические сцены, и остановился. Хлопнув дверью так, что из-под наличника взметнулось целое облако пыли, Вероника зацокала каблуками по лестнице, продолжая сыпать в мою сторону проклятиями. Звуковая

изоляция в хрущевке оставляла желать лучшего, и я прекрасно слышал все, что она говорила, вплоть до того момента, как вышла из подъезда.

Взгляд мой упал на единственный в комнате стул. На спинке небрежно висели беленькие шелковые трусики, по всей видимости, нарочно забытые Вероникой. Я отпер ключом комод – он у меня всегда был заперт – и положил трусики в верхний ящик, туда, где уже лежала дюжина таких же да еще десятка два всевозможных лифчиков и чулок. Ох, женщины! Такое ощущение, что они искренне верят, будто ненароком забытая в доме любовника деталь женского туалета действует как безотказное приворотное средство. И почему они так стремительны в своих чувствах? Почему им всегда невтерпех? Стоит лишь дать слабину, и они уже смотрят на твой дом, как на свой новый плацдарм. Уже придумывают, как переставить мебель, что докупить, какие шторы повесить на окна и какой палас постелить на пол, потому что – о ужас! – в квартире такой плохой паркет, его обязательно надо чем-нибудь прикрыть.

Быстро одевшись, я схватил чемодан, запер квартиру и сбежал вниз по лестнице. У подъезда стояла бежевого цвета «Волга». Водитель нетерпеливо прохаживался рядом. Увидев меня, он что-то пробурчал, с недовольным видом поглядывая на часы, подхватил чемодан и ловко закинул его в открытую пасть багажника.

Я сел на заднее сиденье и через пять минут, блаженно растянувшись на просторном диване, окунулся в сладкие объятия Морфея. Во сне я видел Веронику, которая, абсолютно голая, скакала вокруг меня с каким-то причудливым бубном и все время приговаривала: «Свoločь ты, Суворов! Не дам тебе банан». Неожиданно она подошла ко мне вплотную и крикнула в самое ухо: «Приехали!»

Я вздрогнул и открыл глаза. Таксист, повернувшись вполоборота, выжидательно уставился на меня.

– Шереметьево, – сказал он, видя, что я никак не проснусь окончательно.

Таксометр нащелкал четыре рубля восемьдесят копеек. Я дал таксисту пятерку, отказавшись широким жестом от сдачи – я улетал за границу, настроение у меня было приподнятое, и мне хотелось быть щедрым.

В аэропорту я быстро отыскал дежурную комнату пограничников. Часы показывали без десяти минут семь, но подполковник Залезайло уже был на месте, как всегда, в форме – ему нравилось щеголять в погонах. Рядом с ним стоял Гарик, по прозвищу «Самоделкин», из технического отдела. Прозвище свое он получил за исключительные способности изобретать совершенно потрясающие приспособления и механизмы. Много лет спустя, познакомившись с историями об агенте 007, я невольно сравнивал нашего Самоделкина с флеминговским Кью и каждый раз отдавал дань нашему, отечественному, гению, который в отличие от британского коллеги зачастую был обделен средствами, однако из простых, казалось бы, вещей умудрялся сконструировать нечто невероятное.

Вот и теперь он вытащил из кофра кинокамеру с фотоаппаратом и стал объяснять их особенности. На вид это были обыкновенные инструменты репортера, за исключением небольших деталей. В оба устройства были вмонтированы миниатюрные инфракрасные излучатели, работающие от обычной батарейки, и тепловизоры, что позволяло использовать их в качестве приборов ночного видения. Фотоаппарат известной марки «ФЭД» (для тех, кто не знает, поясню, что это расшифровывалось как «Феликс Эдмундович Дзержинский») был оборудован маленьким баллончиком, наподобие тех, что использовали в сифонах для приготовления домашней газировки. Маленькая кнопка на днище «ФЭДа» приводила фотоаппарат в боевую готовность, а последующее нажатие на кнопку затвора выбрасывало мощную струю слезоточивого газа на пять-шесть метров. Кинокамера «Киев», как ни странно, ничем не стреляла: ни пулями, ни гранатами. Тем не менее, в рукоятке и в самом корпусе был спрятан заряд мощнейшей взрывчатки. Таким образом, при необходимости камеру можно было использовать в качестве небольшой бомбы.

– А ничего, что я с этим в самолет? – поинтересовался я.

Залезайло только поморщился, а стоявший рядом майор погранслужбы похлопал меня по плечу и сказал:

– Э, братец, и не такое провозили. Тебе, правда, лететь с пересадкой, но я со всей ответственностью заявляю: ни в одном аэропорту ничего не заметят. Мы уже просвечивали эту технику со всех сторон. Даже намека никакого. Просто чудеса!

– Не чудеса, а технология, – вставил Самоделкин, многозначительно воздев указательный палец к небу. – Все очень просто: баллончик с газом в фотоаппарате из прочного пластика. Взрывчатка пластиковая. Так что гарантия полная...

– Я разве лечу с пересадкой? – перебил я.

– Да, – подтвердил Залезайло. – Прямых рейсов на Аддис-Абебу нет, поэтому придется лететь через Хартум. А теперь, – Залезайло повернулся к присутствующим, – прошу оставить меня наедине с инструктируемым.

Трое пограничников и Самоделкин покинули дежурку. Я приготовился к дотошному допросу о моем моральном и физическом состоянии, который, как правило, предшествовал подобным инструктажам, и в которых Залезайло был мастером. Он, вполне оправдывая свою фамилию, бесцеремонно залезал в душу, теребя все мыслимые и немыслимые ниточки. Какой от подобных бесед может быть прок, никто из сотрудников не понимал. Возможно, сам Залезайло и находил в наших ответах какой-то скрытый смысл, но мне, как и многим моим коллегам, подобная процедура казалась полным абсурдом, потому что единственным итогом ее было раздраженное, взвинченное состояние, отнюдь не идущее на пользу дела, и все мы, оперативники, буквально ненавидели Залезайло.

– Ну, как дела дома? – начал он издалека.

– Все в порядке, товарищ подполковник.

Залезайло раскрыл блокнот.

– У меня тут есть некоторые сведения о том, что капитан Суворов последнее время слишком часто допускает, с позволения сказать, вольности во внеслужебное время и злоупотребляет вниманием женского пола.

– Товарищ подполковник, – взмолился я, – ну вы уже в который раз мне это говорите! Нет никакого злоупотребления, обычные человеческие отношения.

– При обычных отношениях мужчина не меняет себе партнерш каждую ночь, и тем более не спит одновременно с двумя женщинами.

«Все знает, собака!» – подумал я.

– А это, – продолжал Залезайло, – порочит мундир, который вам, Суворов, доверило государство.

– Маскировка! – возразил я. – Представьте себе, что я буду вести исключительно положительный образ жизни, меня сразу могут заподозрить в причастности к Органам. А так все думают, что я обыкновенный инженер...

– Прекратите ваши шуточки, товарищ капитан! – оборвал Залезайло. – Лучше отвечайте на вопросы. Что стало причиной вашей ссоры с Вероникой Елизаровой?

– Какой Елизаровой?.. Ах, этой...

«Он что, всю мою квартиру прослушивает? – подумал я. – Или таксист стуканул? Подставной, что ли? И как, черт возьми, этот Залезайло узнал, что ее зовут Вероника? Да еще Елизарова? Я сам ее фамилию не помню».

– Никакой ссоры, – небрежно сказал я вслух. – Обычная размолвка. И ручаюсь вам, никакого влияния на мое моральное состояние это не оказало.

– Вы планируете на ней жениться?

Я даже немного растерялся.

– А это обязательно?

– Но у вас ведь с ней близкие отношения и, насколько я понимаю, не одновременные.

– Да, но это еще ничего не значит. Если я буду жениться на каждой девушке, с которой...

– Вот в этом, товарищ капитан, и выражается весь ваш аморальный облик! И вы еще едете за границу. Где, спрашивается, гарантия, что там вам тоже не захочется, так сказать, развлечься? А это, между прочим, может черным пятном лечь на репутацию всего нашего государства!

– Я в эту командировку не напрашивался, – процедил я.

– Вас туда посылают, потому что доверяют вам, – отрезал подполковник. – И ваша задача это доверие оправдать.

Я устал с ним пререкаться, на каждое сказанное ему слово этот заведенный «органчик» тут же находит десяток в ответ.

– Я все понял, товарищ подполковник.

– Вот и хорошо, – сказал Залезайло и посмотрел в свой блокнот. – В аэропорту вас встретит наш человек из посольства. Он поселит вас в городе, чтобы не мозолить глаза кому не следует. Мы связались с эфиопской службой безопасности, попросили оказать содействие. Они выделяют вам своего специалиста. И помните, подробности операции известны только вам, Зотову и мне. В пределах разумного можете посвятить в детали эфиопского коллегу. Мы сообщили партнерам только то, что пропала девочка и что эта информация особого класса секретности. Так что о вашем визите будет знать только их шеф да тот агент, которого назначат вам в помощь. Агент придет к вам на квартиру двадцать пятого числа в девять ноль-ноль. Дальше – по обстоятельствам. Вопросы?

– А на каком языке мы будем общаться с эфиопским коллегой? – усмехнувшись, спросил я.

– Не юродствуйте, товарищ капитан. Неужели вы думаете, их специалист не владеет языками. Уж английский-то он знает не хуже вас. Вот ваши документы, – он протянул мне паспорт и билеты. – Инструктаж закончен.

Залезайло взял со стола фуражку и вышел из дежурки. Туда сразу вернулись пограничники и Самоделкин.

– Ну что, Саня, все в порядке? Ты это... с техникой разобрался? Кстати, не забудь про дорожный тайничок в кофре, – шепнул он мне на ухо. – Ну, ты понимаешь? А что за операция, а?

– Самоделкин, – спокойно сказал я, – слишком много вопросов. Спасибо за арсенал.

Я повесил кофр с аппаратурой на плечо и, взяв чемодан, вышел из комнаты.

– Приедешь, расскажешь? – крикнул мне вдогонку Самоделкин.

Глава 2

Я сидел у окна. Командир корабля объявил, что приветствует нас на борту авиалайнера «Ильюшин-62», вылетающего рейсом Москва – Хартум. Мне довольно часто приходилось летать самолетами, но это были, в основном, командировки по стране. Один раз довелось побывать в Польше и дважды в Венгрии. Так далеко, в Африку, я летел впервые.

«Дорожным тайничком» Самоделкин называл потайное отделение кофра с четвертинкой «Русской» водки. Когда стюардесса подала ужин на маленьком синем подносе, я незаметно откупорил «мерзавчик» и залпом опрокинул в себя. Самолет был полупустой, и рядом со мной никто не сидел. Поэтому я не боялся нарваться на укоризненные взгляды благовоспитанных попутчиков. Алкоголь подействовал быстро. С аппетитом поужинав, я откинулся на спинку кресла и провалился в глубокий сон.

Было раннее утро, когда наш самолет приземлился в столице Судана. Рассвет только-только забрезжил – на горизонте проступила тоненькая розовая полоска. Остальная часть неба была абсолютно черной, крупными блестками на нем переливались яркие звезды, а прямо над головой тоненькой трещиной сиял молодой месяц. Едва ступив на трап, я всем своим телом ощутил плотность горячего тропического воздуха. Однако, закаленный необычной для Москвы жарой, я бодро сбежал вниз и пошел вслед за остальными пассажирами к небольшому зданию аэропорта. У транзитной стойки я встретил семью соотечественников, тоже летевших в Аддис-Абебу.

Мы познакомились. Отец семейства, Евгений, был высокого роста, с бакенбардами и густыми бровями. Серьезное выражение лица, рассудительная речь и тщательно подобранные слова выдавали в нем хоть и молодого, но уже довольно опытного дипломата. Его жена Алевтина, яркая красавица с вьющимися каштановыми волосами, была немного взволнована, однако умело скрывала свои чувства за ослепительной улыбкой. Евгений и Алевтина путешествовали с трехлетней дочерью Настей, которая всю дорогу спала у папы на руках.

В аэропорту Хартума нам пришлось проторчать почти целый день. Наконец около трех часов пополудни нас пригласили на посадку. А уже в пять мы спускались по трапу в столице Эфиопии. Первое, что неприятно удивило, – это прохладный ветерок, никак не вязавшийся со временем года и тем более с Африкой. Первая мысль, что нас по ошибке привезли не туда. Уж больно резко здешняя погода отличалась от хартумской.

В аэропорту нас встречали двое посольских. Один из них не переставая болтал, другой был угрюм и все больше отмалчивался. Меня и семью Евгения посадили в микроавтобус и повезли в посольство. Дорога была великолепна. Колеса мягко шуршали по зеркально гладкому асфальту. Раскинув в стороны разлапистые ветви, могучие пальмы выстроились почетным караулом на протяжении всей трассы, придавая ей особый колорит. Казалось, мы катили во дворец какого-нибудь африканского короля. Это, отчасти, было правдой. Резиденция императора Хайле Селассие находилась неподалеку, и дорога из аэропорта – главных ворот государства – обязана была создать нужное впечатление.

Однако сама Аддис-Абеба оказалась городом немыслимых контрастов. Ухоженные зеленые проспекты с чередой роскошных современных зданий сменялись пыльными улочками нищенских кварталов, где единственными строениями были необычного вида, круглые глинобитные хижины с соломенной крышей.

Через некоторое время мы вновь очутились где-то на окраине города. Слева от дороги тянулся бесконечный каменный забор, за которым на пологом склоне высокой горы темнел эвкалиптовый лес. Микроавтобус притормозил у ворот с золоченой табличкой «Посольство СССР». Охранник-эфиоп, выйдя из своей будки, неторопливо поднял шлагбаум, и мы въехали в джунгли. Да-да, именно джунгли. Узкая асфальтированная дорога стрелой уходила в гору, с

обеих сторон к ней вплотную подступали заросли буйной африканской флоры, среди которой особо выделялись высоченные эвкалипты. Их могучие, покрытые бахромящейся корой стволы устремлялись в небо, и казалось, своей кроной эти деревья уже задевают облака. Нижняя часть джунглей изобиловала высокой травой, густыми кустарниками и лианами, подобно гигантским змеям, свисающими с эвкалиптов.

– Это что, посольство? – удивленно спросил я.

– Да, – ответил сидевший за рулем мужчина, которого звали Стас. – Этот участок еще русскому императору подарили.

– А где же люди?

– Да вы не волнуйтесь, сейчас приедем. Зато смотрите, как тут красиво!

Вскоре справа от дороги показался белый двухэтажный особняк с толстыми колоннами, над главным входом которого развевался красный флаг.

– А вот и резиденция посла, – сказал Стас. – Ну а нам сюда.

Он свернул налево, где у подножия эвкалиптов выстроились в три ряда аккуратные маленькие коттеджи.

– А где резиденция консула? – спросил я.

– Ну, официальный кабинет там же, где у посла, в особняке, – ответил Стас, вылезая из машины, – а живет он в доме чуть выше, на горе. Метров триста-четыре отсюда.

– И что, это все территория посольства? Какая же тут площадь? – воскликнул Евгений.

– Площадь... а черт его знает! Но территория действительно огромная, самая большая из всех посольств.

– Как же ее охраняют? Здесь целый полк солдат нужен.

– Да ну что вы! Вся территория обнесена забором, вы же сами видели, сверху битое стекло. Просто так сюда никто не полезет. Да и вообще, здесь это вроде как не принято...

– А если не просто так? – встрял я.

– На моей памяти ни одного такого случая не было, – гордо ответил Стас.

Я помог Евгению выгрузить чемоданы, и мы направились вслед за Стасом, а его молчаливый спутник, имени которого я толком так и не расслышал – то ли Борислав, то ли Бронислав, – остался в машине. Алевтина несла на руках спящую дочку и с интересом озиралась по сторонам. Стас услужливо распахнул дверь третьего по счету коттеджа и пригласил нас внутрь.

Это был симпатичный домик, построенный явно в африканском стиле, или, по крайней мере, с намеком на такой стиль. Кофейного цвета снаружи, с крышей, покрытой черной черепицей, внутри он был выкрашен белой краской, отчего комнаты казались просторными и воздушными. Элегантная плетеная мебель гостиной хорошо сочеталась с большим кирпичным камином и висящими на стенах деревянными масками.

– Это наши лучшие апартаменты, Евгений Николаевич, – сказал Стас. – Гостиная, две спальни, кухня.

– Ну что ж, мне нравится, – отозвался Евгений. – А тебе? – обратился он к жене.

– Очень! – воскликнула Алевтина. – Здесь все такое милое!

Настя уже успела проснуться и своими огромными глазами изучала новую обстановку.

– Он что, большая шишка? – шепнул я Стасу.

– Первый секретарь, – так же шепотом ответил тот.

– А-а, – многозначительно протянул я.

– Ну, ладненько, – сказал Стас, обращаясь к Евгению. – Размещайтесь пока.

Мы со Стасом вернулись к микроавтобусу, где нас поджидал его давешний спутник. Я еще раньше догадался, что это и есть тот самый «наш человек», о котором меня предупредил Залезайло.

– Петрович хочет переговорить с вами, – сказал Стас и, закулив, отошел в сторону.

Я забрался на заднее сиденье микроавтобуса и вопросительно посмотрел на лысеющий затылок.

– Суворов Александр Васильевич? – не поворачиваясь, спросил тот, хотя мы познакомились еще в аэропорту.

– Князь Итальянский, граф Рымникский и Священной Римской империи, генералиссимус русской армии и генерал-фельдмаршал австрийской, – скороговоркой выпалил я.

– Вы что, издеваетесь? – В его голосе угадывалось едва скрываемое неудовольствие.

– Что вы, Борислав Петрович...

– Болеслав.

– Извините, Болеслав Петрович. Просто с детства привязавшаяся скороговорка. Все-таки имя обязывает.

– А вы что, родственником фельдмаршалу приходитеесь?

– Вряд ли. Но тезка, как видите, полный.

– Ладно, Александр Васильевич, отставить шуточки. Я майор Эн...

– Простите? – переспросил я.

– Эн Болеслав Петрович.

– Я страшно извиняюсь, товарищ майор, но вам что, и фамилию свою произносить нельзя?

Майор ответил не сразу. Чувствовалось, он с трудом борется с нахлынувшим на него негодованием, даже лысина его слегка покраснела.

– Эн – это моя фамилия, товарищ капитан. Две буквы: «э» и «н» – Эн. Я понятия не имею, с каким заданием вы сюда прибыли, но мне велено оказывать вам всяческое содействие, и я буду это делать в меру своих сил и возможностей.

Он, наконец, повернулся и вперился в меня своим колючим взглядом.

– Вот вам деньги. – Он протянул увесистую пачку. – По нашим меркам тут месяца на два хватит. Ну да это не моего ума дело. Мне велели – я передал. Мордовцев, – он кивнул в сторону прогуливавшегося под эвкалиптами Стаса, – отвезет вас на квартиру, в город. У меня все. Вопросы будут?

– Нет, Болеслав Петрович. Спасибо.

– Ну и хорошо, – выдохнул он с видом человека, исполнившего свой долг. – Если вам что-нибудь еще потребуется, Мордовцев в вашем распоряжении.

– А он...

– Да, работает со мной, по званию – лейтенант, если вам интересно. Что-нибудь еще?

Не дождавись ответа, он вылез из машины и, хлопнув дверью, зашагал в сторону резиденции посла. Я подозвал Стаса и попросил отвезти к консулу.

Не задавая лишних вопросов, он завел мотор. Трудяга микроавтобус, урча своим недостаточно мощным для таких поездок моторчиком, потащил нас к вершине горы. Пока мы ехали, я старался хоть как-то проанализировать обстановку. Строжайшая секретность, которой была окутана моя миссия, доказывала всю важность порученного мне задания. Если даже местные ребята не знают о цели моего приезда, каким образом консулу удалось сохранить в тайне исчезновение дочери? Хотя, конечно, консул, по всей видимости, человек неглупый и сразу связался напрямую с Москвой. И все же мне совершенно непонятно, зачем из этого делать страшную тайну. По-моему, если придать дело огласке, подключить полицию, общественность, найти девочку будет и быстрее, и проще. Вместо этого я должен неизвестно где искать этого ребенка, будто это не дочь консула, а какой-нибудь сверхсекретный агент.

Консул жил в небольшом особнячке, обнесенном каменным забором, сплошь поросшим выющимися растениями. Прямо возле калитки раскорячился необъятных размеров баобаба. Я с интересом обошел вокруг дерева, желая убедиться, что оно настоящее. Уж очень необычным был кривой, извивающийся ствол, метров эдак десять в обхвате. Я толкнул калитку и очутился

в маленьком, не слишком ухоженном садике. Трава в некоторых местах доходила, пожалуй, до пояса, а то и выше. К дому вела выложенная серой квадратной плиткой тропинка. Если девочка пропала прямо из дома, в какое время это могло произойти? Пропала сама (сбежала?) или похитили? Тогда зачем? При желании для любого мало-мальски обученного спеца забраться сюда не составит никакого труда. Не помогут ни забор, ни битое стекло. Вопрос только в том, как удалось увести отсюда девочку. Как раз таки для нее забор должен был оказаться непреодолимым препятствием. А незаметно провести ее через ворота просто нереально. Хотя, может, я рано начал строить версии? Может быть, девочка пропала не здесь, на территории посольства, а совсем в другом месте. Тогда я опять попусту трачу время, пытаюсь изображать из себя Шерлока Холмса. Надо сперва хорошенько расспросить консула, а уж потом пытаться сформулировать какое-нибудь предположение о том, что все-таки произошло.

Кнопки звонка я не нашел, зато на массивной входной двери висел бронзовый молоток в форме головы негритянки с огромным кольцом в носу. Я постучал. Дверь открыл высокий, лет сорока пяти мужчина в домашнем халате и с бокалом коньяка в руке. Красные глаза и отекавшие веки говорили о том, что он уже несколько дней толком не спал.

– Вы Суворов? – сухо спросил он.

– Да, а вы Романов Анатолий Федорович?

– Входите, – сказал консул и пропустил меня в дом.

Мы прошли в полутемный кабинет. У одной стены расположились два пышных кожаных кресла, между которыми примостился крохотный стеклянный столик. Пространство напротив занимал письменный стол, позади которого вместо привычного для подобных кабинетов книжного шкафа стоял старинный буфет.

– Садитесь. Выпить хотите? – предложил Романов.

– С огромным удовольствием, – не стесняясь, ответил я.

Консул достал из буфета бутылку «Хеннесси» и, наполнив бокал чуть ли не до половины, протянул мне.

– Вот что, Александр... э...

– Васильевич, – подсказал я. – Можно просто Саша.

– Спасибо. Вот что, Саша, – продолжал Романов, – насколько я понимаю, вы в курсе, что моя дочь Наталия пропала. Вы также знаете, что это держится в строжайшем секрете. Вам, наверное, интересно знать, почему. Дело в том, что положение наше сегодня довольно сложное. Штаты предоставили Эфиопии огромную финансовую помощь, и естественно взаимоотношения наши с местными властями несколько поостыли. Ну, а в таких условиях любая шумиха, малейший скандал только на руку нашим соперникам. Короче, пришлось продолжать делать вид, что все в порядке. Слава Богу, у вашего руководства хорошие связи с эфиопскими спецслужбами, и они обещали помочь.

– Толя! – донеслось из-за двери.

– Дорогая, я занят, у меня посетитель, – вежливо, но повысив голос, чтобы его услышали, ответил консул. – Жена, – пояснил он.

– Она знает? – поинтересовался я.

– Конечно, но держится молодцом.

– А известно точно, когда пропала ваша дочь?

– Если вас интересует дата, двадцатого августа. Но это вы и так наверняка знаете. С утра она попросилась в город. Там есть магазин «Бембис», очень приличный универсам, или, как его тут называют, супермаркет. Я отправил ее со своим водителем Семеном. Но после магазина она уговорила его отвезти ее в «маркат». Это местный рынок. Даже не рынок, а целый рыночный квартал. Ей, видите ли, взбрело в голову купить себе джинсы. Она ведь сюда только на лето приехала. У нас здесь четырехлетка, а ей уже почти тринадцать. Поэтому в остальное время она живет с бабушкой. Вот на рынке Семен ее и потерял. Полдня бегал, искал. Она и сама уже

большая – если бы просто потерялась, нашла бы способ добраться до дома. На такси, в конце концов, деньги-то у нее были. Но она просто исчезла, и я очень боюсь, что ее похитили.

– Простите, Анатолий Федорович, – перебил я, – но какой прок в похищении вашей дочери?

– Никакого. И это меня больше всего пугает. Ладно бы шантажировали или вымогали чего-нибудь. Нет, просто похитили, и с концами. А тут ведь Африка, между прочим, – континент не самый цивилизованный.

– Анатолий Федорович, как вы считаете, могут ли к этому быть причастны... те же американцы?

– Версия о том, что похищение Наташи дело рук наших политических противников, кажется мне совершенно несостоятельной. Хотя в подобной ситуации я бы и ее не стал отвергать. Но это маловероятно.

– Вы же сами говорите, любая шумиха им на руку.

– Вот именно, шумиха, а не само похищение.

– Так ведь можно организовать похищение специально для того, чтобы устроить шумиху.

– Похищение рано или поздно будет раскрыто. И если выяснится, что к нему причастны наши заокеанские «друзья», то начнется не просто шумиха, начнется целая буря, ураган. И уж это точно будет не в их пользу. Они это прекрасно понимают.

Значит, девочка пропала в городе, на рынке, подумал я. Это здорово усложняет задачу. Надо будет отправиться туда и опросить продавцов. Вот только как это, черт побери, сделать?.. Ах, ну да, завтра же у меня встреча с местным коллегой. Он-то мне и поможет в этом деле. Консул считает, что это простое похищение. Ничего себе простое! И вообще, бывают ли «простые» похищения? Политический мотив он отвергает. Что ж, наверное, он прав. Во всяком случае, ему виднее, он ведь дипломат. Похищение с целью выкупа? Но опять-таки, консул говорит, что никто по поводу выкупа не обращался. Правда, могут еще обратиться. С какой еще целью могут похитить белую девочку здесь, в Африке? Рабство? Мечь колонистам за годы унижений? Бред! Да и были ли эти колонисты здесь, в Эфиопии? Что же тогда? Чтобы придумать еще какие-то версии нужно знать местный менталитет. Нет, мне непременно нужна помощь эфиопского коллеги, без него я вряд ли смогу придумать что-либо действенное. А сейчас надо выяснить до мельчайших подробностей, где конкретно исчезла Наташа.

– Мне нужно поговорить с вашим водителем, – сказал я.

– Он живет в доме по соседству, – ответил консул. – У нас там клуб, а за ним жилой корпус. Квартира восемь.

– Спасибо, – сказал я, вставая. – А как вам удалось скрыть исчезновение дочери? – не удержался я. – У нее ведь здесь, наверное, знакомые?

– Для всех она заболела. Единственный, кроме нас с женой, кто знает правду, – Семен. Но он будет молчать как рыба. Даже ваши здешние коллеги не в курсе. У нас, конечно, не принято афишировать принадлежность к Органам, но, по-моему, здесь каждый догадывается, кто на самом деле этот Эн. У него даже фамилия какая-то шпионская.

Я едва сдержал улыбку.

– Вот мой номер телефона, – Романов протянул мне свою визитную карточку.

Я мельком взглянул на нее, «сфотографировал» номер и, сказав: «Я запомнил», – поблагодарил консула за коньяк и вышел на улицу.

Тем временем уже стемнело, в тропиках сумерки очень короткие. Я бросил взгляд на припаркованный у резиденции консула микроавтобус – Стас мирно спал, откинув назад голову и раскрыв рот. В свете уличного фонаря лицо его было утрашающе бледное, и я даже на мгновение испугался. Но переливистый храп, доносившийся через приоткрытое окно, меня успокоил.

Я поравнялся с клубом, из-за дверей которого доносились какие-то звуки. Прислушавшись, понял, что там показывали кино. На улице не было ни души, и ночную тишину нарушали только треск цикад да натуженное кваканье древесных лягушек. Жилой корпус соединялся с клубом небольшим перешейком, в котором, как я потом выяснил, было помещение для отдыха и бильярдная. Вместе они образовывали довольно причудливое, выкрашенное в белый цвет здание, отдаленно напоминающее по стилю старинную русскую усадьбу.

Квартиру номер восемь я нашел без труда – на этаже их было всего десять. Дверь открыла молодая непричесанная женщина в наспех запахнутом халате, с маленьким ребенком на руках. На осунувшемся лице запечатлелась постоянная усталость. Ее взгляд не выражал никаких эмоций, в нем не было ни вопроса, ни удивления. Из квартиры пахло кислым молоком, хозяйственным мылом и влажным бельем. Я поздоровался, спросил, дома ли Семен. Она молча покачала головой, потом вздохнула и сообщила, что муж, скорее всего, в бильярдной.

– Спасибо, – сказал я, и женщина, не прощаясь, захлопнула дверь.

В бильярдной громко играла музыка, дым стоял коромыслом. В сизом табачном тумане с трудом можно было различить около десяти мужчин разного возраста и наружности. Кто-то стоял у бильярдного стола с кием в одной руке и стаканом в другой. Кто-то, развалившись в кресле, молча созерцал не то играющих, не то задымленный полумрак зала. От воздуха, наполненного, помимо дыма, концентрированными парами алкоголя и ароматом мужского пота, сразу начало щипать в носу, и в глазах возникла неприятная резь.

Я обратился к мужчине в расстегнутой до пупа рубашке, с потным лицом, взлохмаченными бровями и потухшей сигаретой в зубах. Он полулежал в кресле, в руке у него был стакан, наполненный до половины желтоватой жидкостью. Мужчина посмотрел на меня мутными глазами, то ли не понимая, то ли не расслышав вопрос.

– Как мне найти Семена, водителя консула? – прокричал я, наклонившись как можно ближе.

Мужчина еще некоторое время молча смотрел на меня, потом громко икнул и показал стаканом в угол, где в таком же кресле, в полусознательном состоянии, развалился молодой, лет тридцати, здоровяк. Одет он был прилично и, в противоположность моему первому собеседнику, аккуратно застегнут. Потное неподвижное лицо и остекленевший взгляд говорили о том, что он основательно пьян. Взмокшие, коротко стриженные волосы стояли торчком, в руке – пустой стакан.

– Семен, добрый вечер. Меня зовут Александр. Мне надо с вами поговорить.

– Завтра, – еле шевеля губами, ответил Семен.

– Простите, но дело не терпит отлагательства, – сказал я и, наклонившись, шепнул ему на ухо: – Речь идет о Наталии Романовой.

Семен вздрогнул, резко побледнел и испуганно посмотрел на меня; взгляд его сразу прояснел, приобрел осмысленность.

– Не бойтесь, я пришел, чтобы помочь. Я только что общался с консулом. Вы бы могли уделить мне несколько минут?

Семен брякнул стакан на журнальный столик, кое-как вытащил себя из кресла и, покачиваясь, пошел к выходу. По дороге он свернул в комнату с двумя нулями на двери и вернулся оттуда через минуту уже значительно посвежевший.

– Идем, – буркнул он и вышел на улицу.

Семен направился напрямик к дому консула, постучал в дверь и около минуты о чем-то оживленно беседовал с Романовым. Потом вернулся и знаком позвал меня за собой. Мы спустились по небольшой лесенке в крошечно-темный сад и сели на лавочку, с трех сторон окруженную густым кустарником. Семен шепотом стал рассказывать обо всем, что произошло в тот злополучный день двадцатого августа, стараясь не упустить ни одной детали.

Из рассказа Семена я понял, что дочка консула та еще штучка, капризная и с гонором. В то утро она вдруг захотела ехать в «Бембис». Консул был сильно занят, а его жена, служащая при посольстве, тоже должна была идти на работу. В результате Романов попросил Семена свозить Наташу в магазин и помочь ей сделать покупки. Но Наташа на этом не успокоилась и пожелала посетить маркат. Целый час она таскала Семена по рынку, придирчиво выбирая одежду. Наконец, несносная девчонка нашла то, ради чего, собственно, она сюда и приехала – джинсы «Ли» (хотя, скорее всего, это была подделка), – и велела Семену сторожить сделанные до этого покупки, а сама отправилась в импровизированную примерочную. Когда по прошествии десяти минут Наташа так и не появилась, Семен забеспокоился и попытался объяснить продавцу, что пора бы девочке уже выйти. Тот, видимо, тоже заподозрил неладное и, подойдя к примерочной, стал тихонько звать: «Мадам?» У них все женщины «мадам», независимо от возраста, эфиопы просто не в состоянии выговорить «мадемуазель». Семен, бросив пакеты с покупками, перепрыгнул через прилавок и резко откинул полог. Там было пусто.

Словно бешеный зверь, рыча от негодования, бессилия и страха, он носился по всему рынку с выпученными глазами, наводя ужас на продавцов и покупателей. Но тщетно. Наташи нигде не было. Оставалась последняя надежда, что она, просто из вредности, решила отправиться домой самостоятельно, на такси. Но дома ее тоже не оказалось. Тогда Семен бросился к консулу и сообщил ему о случившемся.

– Консул строго-настрого приказал держать язык за зубами, – сказал Семен. – Если кто спросит, велел говорить, что Наташа заболела. Ну а дальше вы знаете.

Он замолчал.

– Ладно, – сказал я. – Все, что мне от вас нужно, это схема рынка и расположение того лотка, где все приключилось. Сможете нарисовать?

– Смогу. Когда?

– Прямо сейчас. – Я достал из кармана блокнот и ручку.

– Темновато здесь.

Я улыбнулся, щелкнул кнопочкой, и нижняя часть ручки – старый подарок Самоделкина – засветилась. Конечно, не настолько ярко, чтобы использовать эту ручку в качестве фонарика, но писать в темноте было можно.

– Ух, ты! – удивился Семен и, взяв чудо-ручку, начал рисовать в блокноте схему рынка.

– Вот здесь. – Он нарисовал маленький крестик.

– Спасибо. Я вас больше не задерживаю, можете идти.

Семен встал и медленно пошел по направлению к дому. Отойдя на несколько шагов, он вдруг обернулся и громко прошептал из темноты:

– Найдите ее, пожалуйста.

Я вернулся к микроавтобусу, разбудил сладко спящего и ничего не подозревающего Стаса и сказал, что пора бы определиться на ночлег.

В этот час на улице было немногочисленно. Миновав удручающие своей убогостью нищенские кварталы, мы довольно быстро очутились в центре. Поднявшись на высокий холм, проехали мимо какого-то, судя по наличию охраны у ворот, важного государственного учреждения, прятавшегося за решетчатым забором и густыми зарослями. Затем спустились с холма по круто сбегаящей вниз улице и через несколько минут въехали в симпатичный спальный райончик.

Стас притормозил у небольшого пятиэтажного дома на тихой чистой улочке и протянул мне ключ с брелоком, на котором был выгравирован номер квартиры.

– Все, уважаемый, на этом моя миссия закончена. Ваша квартира на третьем этаже. Все, что там есть, в вашем полном распоряжении. И вот еще... Рекомендую вам быть предельно осторожным, вы все-таки находитесь в чужой стране.

Я невольно поморщился. Он еще будет меня учить! Тем не менее я поблагодарил его за заботу и даже пожал руку. Затем достал из багажника свой скарб и, дружелюбно махнув Стасу, вошел в подъезд.

Квартира мне понравилась – скромная, но со вкусом: гостиная, спальня, небольшая кухня и лоджия. Побеленные стены и потолок. Непривычным показалось то, что пол во всей квартире выложен серым кафелем. Я привык ходить по дому босиком и ощущать под ногами паркет или, в крайнем случае, линолеум, как у меня на кухне. Кафель для такой цели казался холодноват. Хотя здесь, в Африке, не бывает зим, так что использование этого материала, видимо, вполне оправдано, в первую очередь благодаря его долговечности. Ну, а в Москве... Тут дело даже не в холоде. Это сколько же нужно деньжищ, чтобы отважиться на такое извращение. Кстати, возвращаясь все к той же проблеме зимних московских холодов, сразу представляется, что всю эту красоту придется застилать коврами, каждый из которых стоит чуть ли не полмашины.

В гостиной я обнаружил два кресла, журнальный столик и даже телевизор. В спальне – огромную кровать и встроенный шкаф. Порадовала сверкающая белизной ванная комната с компактным унитазом и беде. На кухне – газовая плита с баллоном и холодильник, в котором очень кстати оказались две бутылки пива, масло, сыр и даже колбаса.

Я поставил на плиту чайник и не спеша разобрал чемодан. Затем включил телевизор, блаженно растянулся в кресле. По единственному эфиопскому телеканалу показывали какой-то детектив на английском языке. Я даже увлекся, совершенно забыв про стоявший на плите чайник. Спихватился я минут через сорок. К моему великому удивлению, чайник еще только собирался закипать. Я даже на всякий случай посмотрел, горит ли газ. Но все было в порядке, веселый голубой огонек полыхал вовсю. Мне говорили, что в Эфиопии, которая почти целиком лежит на высокогорном плато, около двух тысяч метров над уровнем моря, воздух более разреженный и атмосферное давление другое. Из-за этого вода закипает очень долго.

Фильм по телевизору уже закончился, когда чайник наконец соизволил, вскипеть. Я к тому времени успел выпить все пиво и закусить колбасой и сыром. Хлеба я в доме не нашел, но меня это не слишком огорчило. Чаю уже не хотелось. К тому же по телевизору начался новый фильм, причем весьма пикантного содержания. Я приглушил громкость, поскольку все равно уже не воспринимал английскую речь, а откровенные сцены можно смотреть и без звука.

Так, сидя в кресле, я и уснул.

Глава 3

Переливистый звонок в дверь вывел меня из оцепенения. Часы показывали ровно девять. На пороге стояла убийственно красивая девушка. Я уже заметил, что местные женщины поверх обыкновенной одежды, платья или юбки с кофточкой, носят накидки, преимущественно белого цвета, из напоминающей марлю ткани, и заворачиваются в них как в индийское сари, только еще на голову накидывают. Девушка, что стояла перед моей дверью, была одета не совсем традиционно. На ней были плотно обтягивающие, короткие, немного ниже колен, белые брюки и такого же цвета блузка. И лишь полупрозрачный платок, покрывавший ее голову и плечи, спадая вниз, до пояса, создавал некое сходство с «сари». Безупречные черты лица. Не было видно только глаз, спрятанных за темными стеклами очков. Надо сказать, что еще в аэропорту я был немало удивлен – эфиопы опровергли мои былые представления о жителях африканского континента. Черная как смоль кожа, приплюснутые широкие носы, толстые губы – это осталось где-то за границами Эфиопии. Здесь все было наоборот: европейские, без преувеличения, черты в сочетании с кожей цвета молочного шоколада давали потрясающий результат – красивые, а у женщин даже очень красивые, лица. Но моя гостья была просто божественно хороша. Я пожирал ее глазами, не зная, что сказать. Кто она? Что ей здесь нужно? Ошиблась квартирой?

– Может, все-таки предложите мне войти? – вдруг спросила она на чистейшем русском языке, скинув с головы платок.

Голос у нее был мягкий, грудной, с едва заметной хрипотцой. Волосы аккуратно сплетены в тонкие дорожки, переходящие в многочисленные косички. Изящную шею украшал маленький золотой крестик на тонкой цепочке. Я отступил в сторону, пропуская ее в квартиру.

– А вы...

– Лейтенант Аданешь Тамерат.

– Лейтенант?

Девушка прошла в комнату и уселась в кресло, закинув ногу на ногу.

– Итак, вы, если не ошибаюсь, капитан Суворов?

– Точно так, – растерянно проговорил я.

– Мне поручено оказать вам помощь в поисках пропавшей девочки. Начальство сообщило мне, что это дело особой важности и повышенной секретности. Больше мне ничего неизвестно. Но, поскольку операцию контролирует сам шеф, Маркос Габра, и он же инструктировал меня оказывать вам всяческое содействие, возможное и невозможное, я полностью в вашем распоряжении.

Все это время я стоял с открытым ртом – совсем непростительная для моей профессии слабость – и скользил взглядом по ее шикарному телу, тонким изящным рукам с покрытыми бордовым лаком ногтями на длинных пальцах, по соблазнительным шоколадным щиколоткам – и далее по элегантным, с нежно розовыми пяточками и безупречным педикюром ступням, обутым в белые босоножки на высоком каблуке.

– Простите, запомнил, как вас...

– Аданешь Тамерат.

– Тамерат – это фамилия?

– У нас нет фамилий. Это имя моего отца.

– А-а, – протянул я, – отчество?

– Почти. В принципе, это может быть либо имя отца, либо деда.

– Понятно. Так вот, Аданешь Тамерат...

– Пожалуйста, называйте меня просто Аданешь.

– Хорошо, Аданешь. А вы называйте меня просто Саша. Договорились?

Она кивнула.

– Нам необходимо посетить местный рынок, – продолжал я. – Он, кажется, называется у вас маркат. Вы не могли бы проводить меня туда?

– Конечно. А у вас не найдется чего-нибудь попить? Лучше минералки.

– Вы знаете, в холодильнике было только пиво, – растерянно произнес я.

– Тогда зайдем в бар. – Аданешь встала. – Идемте.

Я не удержался от того, чтобы вновь не пробежать взглядом по ее телу снизу вверх и обратно. Подойдя к двери, Аданешь обернулась:

– Одно из двух: или вы прожжете во мне дыру своим взглядом, или у вас полопаются глаза. Если вы хотите, чтобы мы с вами сработались, не надо на меня так пялиться.

Я покраснел – еще одна непростительная слабость.

Мы вышли на улицу. За углом, в том же здании, где находилась моя квартира, оказался небольшой, но миленький бар. Мы сели за столик и заказали по стаканчику минералки.

– А теперь расскажите поподробнее, зачем нам рынок, – сказала Аданешь.

Я немного зад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.